

Герд Бергфлет

Горизонты антиэкономики

I

Маркс в своем анализе товарных форм и, в особенности, товарного фетишизма сводил именно производственный процесс к производителям, которые для того и призваны, чтобы в свободной артели тружеников брать последний под свой планомерный контроль. Сам же производственный процесс как таковой он никогда не ставил под вопрос, также как и на этапе относительно развитой промышленности, на котором разумное планирование оказывается чем-то технократическим, выступающим отныне в противоположность освобожденным производителям как еще один объект для сдачи внаем, потому что управление производством вменяет производительным силам науку и технику, которым рабочий вынужден только подчиняться.

Диалектика производительных сил и производственных отношений представляют в этом случае историко-философскую конструкцию освобождения от капитализма, но она лишь еще раз показывает, что марксизм привержен тому же самому культу производства, который избрала своим идолом и рыночная экономика.

"Критика политэкономии" остается во власти духа капитализма, потому что она ставит, в точности как он, на безграничное развертывание производительных сил на основе науки и техники и на хищническую разработку природных ресурсов, что следует из первого. Это главная причина того, что та, до недавнего времени реально существовавшая система, опиравшаяся на теоретические разработки Маркса, не представила сущностной альтернативы капитализму. Ее плакатный социализм структурно был лишь разновидностью капитализма, которую мы могли бы назвать "государственным капитализмом".

То, что эта система полностью разрушилась в ходе поражающей воображение цепной реакции осени 1989 года, должно было случиться. Не стоит сводить к тому, что безграничное развертывание производства не было столь же удачным, как на Западе, поскольку бюрократическое планирование душило частную инициативу, не учитывало побочных последствий и прочее.

К тому, что этот общий обвал мог значить что-то еще, кроме как покаянное возвращение в капиталистический рай, мы еще вернемся.

Прежде всего, нужно твердо уяснить: марксистская критика товарной формы продукта, "окаянного обмена", выражаясь витиевато, не смогла свергнуть капитализма с его престола потому, что она разделяла с ним больше убеждений, чем ей представлялось. Потому что первое, что нужно проделать для развенчания капитализма - провести критику производственной химеры (производственного безумия), а в это дело марксизм не внес ни малейшего вклада.

Важнейший вывод, который нужно сделать из крушения марксистского эксперимента, состоит в том, что **критика химер производства не может вестись с точки зрения экономической науки.** Потому что коль скоро уже и от марксизма нечего ждать, который

нам теперь можно рассматривать как самую передовую точку зрения капиталистической самокритики, то, естественно, тем более нечего ждать от различных направлений либерально-капиталистической экономической науки, которая слепо подчиняется повсеместному террору производственной химеры.

Во всяком случае, **экономическая наука может нам объяснить, как этот тоталитаризм производства ради производства пришел в мир.** Она обращает внимание на первоначальное накопление капитала, которое развилось из глубоко мирской аскезы кальвинизма и, соответственно, рациональности. Экономической науке не по силам взгляд назад, который бы проникал за рамки идеологии поступательного развития, лежащей в основе производственной химеры, тем более взгляд вперед. Ибо это свойственно современному промышленному обществу, уничтожать все трансцендирующее, все, что хочет быть причастным чему-то, что находится вне его рамок.

Производственная химера - это отнюдь не исторический опыт человечества по превращению природного в духовное, а своего рода наказание отсутствием истории, что должно уничтожить яростную волю, всю историчность, не создав ничего нового взамен. И это беспримерно. Сорвав с себя путы всего исторического в первую, раннекапиталистическую фазу, набрав ход в фазу промышленной революции, в эпоху своей всеобщности это готовится дать ответ на все вопросы, провозгласив Конец Истории через Фукуяму и других, сознательно представляющих пост-историю.

Теперь это носит имя Капитала. Когда он поет и смеется, он между делом насмехается еще и над той единственной идеей, выдвинутой им в ходе своего долгого развития: выдвинутой в 19-м веке идеей прогресса. Насколько эта идея была ограничена, настолько же она предполагала все большую веру в будущее, тогда как единственная определенность которую дает производственная химера, состоит в том, что будущего нет. То, что отменило прошлое, как может иметь будущее? Эти однозначно тупиковые устремления, которые породила самая рациональная эпоха всех времен, определенно наводят на мысль не рассматривать больше капитал как реальность, а как полностью не имеющее отношения к реальности агентство по симуляции.

Тем не менее, он продолжает существовать не смотря на то, что он не просто лишает мир реальности, а уничтожает через эту дереализацию.

Производственная химера представляет собой пример предельного европейского нигилизма, который стал между делом планетарной идеологией, потому что то, что лежит в его основании - это некая мироотрицающая воля к искоренению всей жизни на этой планете. Мы должны ясно понять, что опустошение Земли явится прямым следствием производственной химеры и что не существует какого бы то ни было политического или экономического средства приостановить или вообще предотвратить это опустошение Земли. Если главенство производства над всем остальным не будет сломлено, неизбежным станет общий слом всех видов нынешней жизни, включая экономическую сферу.

II

Такой апокалиптической логике следуют только тогда, когда происходит решительный отход от ложного контекста экономики. Однако успех продвижения в этом направлении зависит от того, настолько далеко получается прорваться через этот ложный контекст, а это означает: антиэкономике следует не пытаться преодолеть экономику идеалистически, а идти за ней по пятам так близко, насколько позволяет ее основополагающие от неё

отличия. Да, она должна даже парадоксальным образом накладываться на экономику, потому что её цель - попытаться убедить в необходимости антиэкономики именно экономистов.

Этому парадоксальному, двойственному требованию точно соответствует всеобщая экономика, разработанная Жоржем Батаем, потому что эта *Economie generale* является единственным видом экономики, которая вместе с тем является и антиэкономикой. Она является первым учением, которое имеет дело не только с производством и его производными, воспроизводством и продуктивным потреблением, но и задается вопросом, для чего тут, собственно, производство: а именно, для непродуктивного расходования, для роскошного расточительства, для чистого мотовства.

Фундаментальным открытием Батая является то, что все здоровые общества сохранились благодаря постоянному расточению своих производственных излишков в праздничной, обрядовой форме. Они сохранились именно благодаря тому, что постоянно ломали правила, диктуемые инстинктом выживания. Экономико-социальная реальность таких обществ базируется на равновесии между работой с целью поддержания существования, с одной стороны, и ритуализированным расточительством добавочного продукта в ходе празднества, с другой. В такой перспективе работа имела своей конечной целью не накопление, а расточительство, воплощенное в празднике. Расточительство всегда было наделено там превосходством в сравнении с производством.

Это господство принципа расточительства над принципом производства имеет еще место при слаборазвитом производстве. Объяснение этой закономерности - в наличии стремления к внутренней роскоши, которое свойственно человеческой природе, каким бы бессмысленным это ни казалось расчетливому разуму.

Батай заново открывает нам глаза на историю экономических строев, при которых люди столетиями были озабочены чем угодно, только не производством. В раннюю историю, вплоть до периода первоначального накопления капитала, существовала некая осознанная необходимость тратить полученные излишки производства, этим их обезвреживая.

Едва капитализм дошёл до гибридно-рационалистической идеи - полностью опорочить принцип расточительства, а вместо этого пускать все излишки вновь в производство - как итог появилась современная производственная химера, у которой нет больше ответов, чем встречать громкие кризисы и катастрофы. Идея расточительства, которому первоначально была уготована одна участь - исчезнуть, была присвоена. Расточительство превращается в "расточительное" само по себе развитие, то есть в настоящее катастрофическое производство. Батай назвал свою основную работу по экономике "*La part maudite*", по-немецки "Проклятая часть". Название отражает идею того, что расточительство придерживалось во все времена, не только при капитализме, спрятавшем его в некоем катастрофическом производстве, но и в более ограниченных формах ранее, в которых оно только и допускалось.

Отмечающие праздник "Потлач" индейские племена на Северо-западе Америки тому пример, первый из приведенных Батаем. Они уничтожали в ходе одной оргии все свое богатство в медных слитках, только для того, чтобы спровоцировать некоего возможного соперника сделать по меньшей мере то же самое. При такой системе прославленных обычаями растрат соперник вынужден потратить еще большее богатство, так как, в противном случае, он потеряет свое лицо. Расточительство разумно не оправдывать, потому что оно предосудительно, и, тем не менее, оно крайне необходимо, и не только для того, чтобы давать выход склонностям к излишествам и сильным ощущениям с целью

сохранения общества в устойчивом состоянии. Расточительство тем больше становится необходимым, чем больший вред начинает причинять богатство, по мере его накопления. Оно становится опасным не только для своего владельца, который им поглощен, но и для всех, что показывает капитализм. Богатство должно расточаться, ибо оно принадлежит к такому роду излишка, который нельзя тратить с низкой производительностью.

Батай в своей переоценке экономики заходит и еще дальше, так как она на втором этапе касается и самого производства, которое не настолько самодовлеющее, насколько оно себя мнит. Потому что возможность производства с избытком появляется благодаря в первую очередь не работе, а тому избытку энергии, который имеет космическое происхождение. Вся существовавшая до сих экономика в свете такого прочтения мгновенно децентрализуется: выясняется, что она зависит от некоего движения, происходящего выше нее, от постоянного кругооборота энергии на Земле, который и сделал возможным существование жизни вообще и человеческой экономики в частности.

Этот кругооборот не является энергобалансом, как говорим мы, пользуясь показательным составным словом ("энергобаланс" буквально по-немецки "энергобюджет" - прим. перев.). Определяющим обстоятельством здесь является избыток, изобилие энергии, а источником его является солнце, которое есть ничто иное как пример расточительства. "Источник и сущность нашего богатства состоит в наличии солнечного излучения, которое безвозмездно дает энергию - богатство". Вся жизнь появилась благодаря факту бессмысленной растраты солнцем себя и, следовательно, может протекать не иначе как в виде излучения.

Все организмы пытаются утвердиться, используя поток энергии для своего роста, однако всегда приходит мгновение, в которое рост заканчивается и набранная энергия должна быть бесцельно растратена. Мощными проявлениями такого расточительства на уровне живых существ является сексуальность и смертность. В целом видно, что энергия безгранично избыточна, но благодаря ей выявляются границы роста. Это противоречие, которое обосновывает необходимость расточительства. У каждого отдельного существа часто возникает проблема недостатка, так как оно не находит именно того, что ему нужно, хотя в целом в целом в природе царит избыток. Природа не экономит, она не ведет себя ни экономически, ни экологически, она есть само излишество, настоящее царство изобилия.

III

Смысл общепризнанной экономики состоит в том, что она ограничивает производительность сразу в двух отношениях, с точки зрения ее происхождения точно также как и с точки зрения ее задания. На оба вопроса, откуда это ведется и куда, мы получаем один и тот же ответ: происхождение и задача человеческого производства - это растрата. Хотя избыток энергии проходит через работу, которая его преобразует в некий излишек производства, главное то, что он представляет потенциал, который выше всякого осуществления, некую полноту, которая имеет в себе потребность быть растратенной. Избыток энергии и расточительство соответствуют друг другу как начало и конец некоего движения, в котором производство является неким переходным этапом. И так оно и есть в действительности: небольшой зараженный экономикой остров посреди упоительных волн вселенной, закрывшийся от вселенского процесса, но требующего, тем не менее, вселенской власти. С этой двойкой антиэкономической точки зрения извращение нашей экономики становится очевидным, по меньшей мере, теоретически. Можно непосредственно указать, почему наша промышленность стала силой гибели. Для объяснения этого рока было развито много особых теорий о причинах, каждая из которых может быть в чем-то права. Однако все они тяготеют к тому, чтобы уводить от основной

причины. Некого универсального ключа точно нет, однако по существу можно сказать, что гибель состоит в том, что наша экономика находится под диктатом производственной химеры. Производственная химера осуществляет себя через попытку полного присвоения сил расточительства, которая выливается в ложную идею безграничного роста производства.

Тот, кто всегда только и делает, что жрет, в конце концов должен лопнуть, а фикция безграничного роста, соответственно, может поддерживаться ценой неограниченной взрывоопасности. Отпечаток катастрофы, который оставляет за собой наша промышленность, является выражением этой беспрестанной все возрастающей взрывоопасности. Отныне это так: чем больше роста, тем больше разрушения, чем больше производства, тем больше разорения.

Разрушение есть вид расточительства, который единственным еще остается при диктате производственной химеры. Что выходит за рамки жизненно необходимых потребностей в нашем мире, это чистое разрушение. Потому что большая часть излишков производства употребляется для строительства все новых машин для убийства. Они растворяются в расходах на вооружение, космические полеты и разрушительные технологии всех видов, которые нам навязали под маркой технического прогресса.

Существованием многих из этих арсеналов разрушительная тенденция не признается очевидной. Хотя они и сулят потребителям заметную пользу, всякая польза в одном месте отзывается вредом в другом месте, не говоря уже о том вреде для себя, который содержится в рабском следовании рабскому образу мышления с точки зрения полезности. Индустрии массовой коммуникации и культуры, например, пришлось бы, скорее всего, трудно, если бы она захотела обосновать свое благодушное к этому настроение. Вообще, теперь можно констатировать некое структурное тождество у производства и разрушения, существование некоего процесса, делающего созидание и разрушение на вид неразличимыми.

Тем более это ненормально, что все эти разрушительные виды деятельности воспринимаются только как производительные.

Все расходы, которые производятся при диктате производственной химеры, являются производственными расходами, идет ли речь сейчас об услугах индустрии досуга, о космических полетах или о вооружении, являющихся в первую очередь одним огромным предприятием. Собственно, технические катастрофы могут восприниматься также: они непроизводительны, однако они представляют из себя временное слабительное средство от перепроизводства, оживляющие производственную химеру снова. Эта логика представляется несомненно извращенной, но лучшего при запрете на расточительство со стороны производственной химеры не имеется.

Разрушительная тенденция производства подтверждает, что сила расточительства не позволяет себя усмирить. Она продолжает действовать в ходе производственного процесса как некое взрывчатое вещество, подрывающее его изнутри. Расточительство никогда не было панацеей, даже в докапиталистических обществах режим самосохранения отменялся только на время. Однако эти общества прибегали к ритуализированным, очень часто религиозно выраженным формам, они оставили себе священное время праздника, которому тихое мирское время угрожать не могло. Когда прежде излишки производства празднично расточались и тем самым уничтожались, за этим так внимательно следили, что страдала производственная сфера. Однако в то мгновение, в которое повсеместное утверждение производственной химеры начинает

препятствовать высвобождению энергии расточительства, наступает некое качественное изменение. Выражается это в том, что эта энергия начинает противиться своему заточению и стремиться к тому, чтобы уничтожить свою производственную темницу.

Это не означает, что разрушительная тенденция современного производства была бы неким вторым пришествием аутентичного расточительства с большим размахом, которая должна в связи с мощным увеличением производства естественным образом стать еще опаснее. Скорее речь идет о чем-то совершенно другом, переворачивающем все с ног на голову: о мятеже самой закованной в кандалы силы стихии, которая больше не собирается смиряться.

Это может привести к плохому концу, потому что скованное расточительство, ударившись в разрушение, однажды преодолет производство и взорвет систему изнутри.

Так как расширение системы имеет вид постоянного поглощения все новой солнечной энергии, бунтующей против своей неволи, тяга к разрушению будет все больше усиливаться, так что можно предсказать наступление мига под названием "дальше некуда", который обозначит общий слом производственной химеры. Мы должны в действительности считаться с той возможностью, что производственная химера близится к своему концу, поскольку отныне человек не один, кто оказывает ей сопротивление. Умножение в числе экологических катастроф показывает, что природа больше в игре не участвует и намерена покончить с человеком-титаном.

Стихии пришли в движение и торопятся сорвать свои путы. Силы природы, которые человек пытался покорить, оказались ему выше головы. То, что производственная химера уничтожает природу, не означает, что когда она будет близка к тому, чтобы загнуться, некий техник по окружающей среде ее починит. Это следует воспринять совсем по другому - если до такого дойдет, природа восстанет на производственную химеру, в ходе чего ее разрушительная сила обрушится на промышленность и приведет ее к смертельному исходу.

Всякий акт разрушения, направленный против природы, отрицательно скажется на разрушителе, поскольку он высвобождает такие силы разрушения, с которыми уже не может совладать. Таким образом, мы можем сказать, что дело идет ко всеобъемлющему мятежу природы, к мощному восстанию против человеческого гибриса делания и умения. **Общий обвал производственной химеры запрограммирован, поскольку она сама послужит причиной этой последней битвы. И почти нет сомнений, кто в этой войне будет побежден: не природа, а агрессор, потому что - повторим это снова - ее поражение опять означает его смерть. Антиэкономика также не боится прогнозировать общий обвал господствующей капиталистической экономики.** Конечно, те, кто празднует сегодня победу капитализма над коммунизмом, слишком опьянены, чтобы дать себе в этом отчет. На самом деле, как раз эта победа является прелюдией предстоящего близкого поражения, так как в ходе восстания природы, главной жертвой этой всеобщей катастрофы будет как раз капитализм. И никто не испытывает иллюзий, тем более в разгар войны в Заливе, что этот, отныне безальтернативно господствующий либерал-капитализм, хоть и не ведет больше идейной конкурентной борьбы с коммунизмом, не станет проводить свою презирающую людей и природу политику еще более безоглядно.

С антиэкономической точки зрения поражение экс-конкурента представляется в совершенно ином свете. Падение коммунизма следует понимать как первую стадию заката капитализма, как первое поражение идеологии роста производства, как первый крах производственной химеры. Западная производственная химера имеет мало

оснований праздновать это саморазрушение, ей бы лучше воспринимать катастрофу восточной производственной химеры как зловещее предзнаменование. Потому что и социальная рыночная экономика, не смотря на все усилия экологов является экономикой поступательного опустошения Земли.

Пока экология не полностью осознает этот экспансионизм, а довольствуется строительством индустрии защиты окружающей среды, которая последнему лишь способствует, нельзя говорить ни о какой переориентации.

Использование экологического подхода помогает убедиться, что производственная химера еще никуда не делась: она ожидает, что производительные силы науки и техники приложат все усилия, чтобы воспрепятствовать восстанию природы или, по меньшей мере, оттянуть это событие. В этом отношении тезис об общей катастрофе в конечном счете все же снабжен вопросительным знаком - смерть производственной химеры нельзя воспринимать как событие, должное произойти автоматически.

Исход соревнования по устройению всеобщей катастрофы, которая угрожающе повисла над нашими головами, неясен - по меньшей мере пока, когда сама природа не выступила против уродования себя.

Восстание природы означало бы внезапное наступление другого порядка, с которым никакие людские козни не совладали бы, который, скорее всего, вывел бы из обращения всепоглощающий антропоцентризм, который лежит в основе нашего способа производства. При этом внезапно наступившем порядке Земля сама стала бы оглашать свою волю, чего человек с того времени должен был бы быть достоин, которой бы он беспрекословно и радостно подчинился из-за ее священного характера. Это было бы возвращение мифических времен.

Увы, все это не в силах только нас одних и неизвестно, когда случатся и случатся ли эти великие перемены, хотя постоянно нарастающий кризис нашей цивилизации должен вынудить природу применить такое радикальное лечение.

Как бы там ни было, пока противодействие тому опустошению, которое производит производственная химера, возложено на каждого отдельного человека. Очевидно, что это противодействие должно состоять не в экологическом успокоении этого чудовища, а в радикальном отрицании. Производственная химера не позволяет бороться с собой на своем уровне, а между тем можно самостоятельно посягать на его принцип, экономическую рациональность, а это может произойти только через культивируемую обособленность. Обособленность живет в расточении себя человеком, которое обусловлено внеэкономическими побуждениями, которых власть производственной химеры боится как огня. Это Ваша основа. Что может быть противопоставлено катастрофическому производству? Только суверенное расточение себя человеком.

Впрочем, степени этого расточительства себя ныне чрезвычайно разнообразны. Например, когда мы думаем только о символических затратных видах культуры, в которых человек может затеряться, или о больших излишествах опьянения и эротизма.

Однако лучших из Вас я бы хотел увидеть участниками восстания мужского естества, потому что в миг такого восстания весь инстинкт самосохранения проваливается обратно в призрачный мир, нас охватывает некое независимое ни от чего стремление.

И прежде всего: восстание мужского подготавливает те мировые перемены, которые произойдут при восстании самой природы.